

愛
纏
你

Сто иероглифов до встречи

18+

Алексей Мусин

Сто иероглифов до встречи

<https://litres.ru/74393707>

SelfPub; 2026

Аннотация

н устал от серости Новосибирска. Она застряла в Гуанчжоу, где мать требует, чн устал от серости Новосибирска. Она застряла в Гуанчжоу, где мать требует, чтобы она наконец вышла замуж. Их связала красная нить — и сто иероглифов, которые он выучил ради неё.

Иван покупает билет в Гуанчжоу, хотя никогда не был в Китае. Мэй обещает встретить его в аэропорту. Но судьба — это не всегда то, что мы планируем.

«Сто иероглифов до встречи» — история о побеге, о надежде и о том, что иногда нужно пересечь полмира, чтобы найти себя. тобы она наконец вышла замуж. Их связала красная нить — и сто иероглифов, которые он выучил ради неё.

Иван покупает билет в Гуанчжоу, хотя никогда не был в Китае. Мэй обещает встретить его в аэропорту. Но судьба — это не всегда то, что мы планируем.

«Сто иероглифов до встречи» — история о побеге, о надежде и о том, что иногда нужно пересечь полмира, чтобы найти себя.

Алексей Мусин

Сто иероглифов до встречи

Сто иероглифов до встречи.

Часть 1. Решение

Глава1 «Точка отсчёта»

Будильник зазвонил ровно в 7:30, и этот механический, слишком бодрый звук особенно нелепо звучал в тишине квартиры. Иван не стал его выключать: пусть звенит. Пусть доказывает, что мир продолжает двигаться, даже если сам он не готов.

Ему тридцать шесть. И он чувствовал себя старше.

Квартира была маленькой. Однушка в панельной пятиэтажке на окраине Новосибирска. Ремонт делали ещё при прошлом владельце, и обои уже начали отходить у батарей. На кухне — три метра, старая плита, стол, за которым можно сидеть только вдвоём. Иван жил здесь уже пять лет, но так и не привык.

За окном — промозглый ноябрь. Серое небо, слякоть, голые деревья. Он вырос в этом городе, и с детства его раздражала эта ровная серость, где всё было на своих местах и ничего не случалось. Дома, лица, дни — всё будто отлито по одному шаблону. Он не злился на город — он просто мечтал о месте, где мир не стоит на месте, а несётся вперёд, и где

каждый день может стать началом чего-то нового.

Он сел на кровати. В комнате было тихо, только холодильник гудел на кухне. На столе — вчерашняя кружка с остывшим чаем, неубранная постель. Он встал, прошёл на кухню, открыл холодильник. Яйца, хлеб, кетчуп. «Надо купить продуктов», — мелькнула мысль, и он привычно не стал её фиксировать. Это уже стало ритуалом: составить список в голове, гордо его удержать секунд десять и спокойно забыть. Он привычно не стал записывать список продуктов. Эта маленькая капитуляция перед бытом уже не вызывала злости — только усталую улыбку. Потом сел на край дивана, достал телефон, открыл её фото. Она не улыбалась, смотрела спокойно, будто знала, что рано или поздно он решится. „Что я делаю?“ — спросил он вслух. Тишина ответила ему тем же, чем всегда: ничем. Он даже не злился на себя — просто принимал эту маленькую бытовую слабость как часть своего характера..

— Она — единственное, что не вписывается в этот город, в эту квартиру, в эту привычную пустоту. Я не знаю ни её имени, ни голоса, но знаю, что она есть. И что я должен её найти. Если сейчас не решусь, этот тупик станет моим домом. Серость вьётся в кожу, тишина — в мысли, пустота — в сердце.

Он встал, прошёл в ванную. Холодная вода, полотенце, которое не менял неделю. Посмотрел на себя в зеркало. Уставший, небритый, с мешками под глазами. «Ты не жи-

вёшь, — сказал он своему отражению. — Ты просто существуешь».

Он хотел быть архитектором. Хотел оставлять след в городе. А теперь оставляет только подписи на накладных. Бросил факультет на третьем курсе, прикрывшись фразой «Не моё», хотя правда была в другом: ему стало страшно, что он не дотягивает. Восемь лет «Новосибснаба» научили его считать и договариваться, но не научили главному — чувствовать, что день прожит не зря. Деньги были. А внутри всё равно тянуло туда, где можно что-то построить.

Он надел куртку, взял ключи и вышел из дома. Иван спустился по лестнице, натягивая воротник куртки. На улице было промозгло. Воздух пах бензином, сыростью и мокрым снегом. Машины стояли в пробках, люди спешили к остановкам. Все знали, куда идут. У всех были цели. У Ивана была только надежда, что Гуанчжоу ждёт.

Он пошёл к метро. В кармане лежал телефон, а в телефоне — её сообщения, которые он перечитывал по ночам. Он не знал, чем это кончится. Но знал, что это не кончится здесь.

Метро гудело. Люди текли по переходам, не замечая друг друга. Иван стоял у края платформы и смотрел на рельсы.

На мгновение его потянуло вперёд, туда, где рельсы уходят в темноту, где всё заканчивается одним резким движением. Он сжал кулаки, чувствуя, как холод пробирается сквозь ткань куртки, и сделал шаг назад. Мысль была старой, как эта станция, и такой же привычной.

Подошёл поезд. Иван зашёл в вагон, сел на свободное место, положил сумку на колени. Напротив — женщина с ребёнком, рядом — парень в наушниках, у двери — старик с сумкой. Все они существовали в одном пространстве, но не пересекались.

Иван смотрел в окно. За стеклом — тоннель, темнота, иногда вспышки света. Он чувствовал, как поезд набирает скорость, как вагон покачивается на стыках рельсов. Этот звук он знал с детства. Он был частью его жизни, как дыхание.

В голове крутились мысли. О работе. О том, что он опять опоздает. О том, что начальник скажет. О том, что он скажет в ответ. Он уже знал этот диалог наизусть — они повторяли его раз в неделю.

И он подумал: «Если я уеду, я больше никогда не услышу этот звук. Никогда не увижу эти лица. Никогда не скажу «сдам сегодня». Никогда не буду ждать конца дня, который не приносит ничего».

Поезд остановился. Иван вышел. На платформе былолюдно. Он поднялся наверх, к свету, к мрачному небу, к своей работе.

Офис встретил его привычным запахом: бумага, кофе, пыль от компьютера. Иван сел за стол, включил компьютер. На экране — вчерашний отчёт, который он так и не сдал. Он посмотрел на него, потом закрыл.

— Иван Александрович, — раздалось за спиной.

Он обернулся. Помощник начальника стоял с папкой в руках.

— Планёрка через десять минут. Начальник просил не опаздывать.

— Ага, иду, — буркнул Иван.

Помощник ушёл, но оставил дверь открытой. Иван слышал, как в коридоре кто-то смеётся, как гудит принтер, как женщина из соседнего кабинета говорит по телефону. Обычный офисный шум. Он знал его так же хорошо, как звук метро.

Он закрыл глаза на секунду. Представил Гуанчжоу. Небо-скрёбы, пальмы, влажный воздух. И её. Она стояла на фоне города, смотрела в камеру спокойно. «Я здесь», — говорило её лицо.

Он открыл глаза. Вместо Гуанчжоу — бежевая стена, кондиционер и стопка контрактов.

«Надо что-то делать», — подумал он.

Планёрка была короткой. Как всегда. Начальник бубнил про контракты и отчёты, Иван смотрел в окно. Когда начальник сказал «Иван, не отвлекайтесь», он кивнул и снова уставился в серое небо за окном. Через двадцать минут всё закончилось.

Он прошёл в свой кабинет. Сегодня он не хотел работать. Хотел просто сидеть и смотреть в окно. За окном был Новосибирск: серый, холодный, одинаковый.

Он сел за стол, достал телефон, открыл её фото. Она смот-

рела на него спокойно. «Я здесь», — говорило её лицо.

«И я скоро буду там», — подумал он.

Денис вошёл без стука, как всегда. Плюхнулся на стул напротив, вытянул ноги, потёр лицо ладонями.

— Ты какой-то... не здесь, — сказал он, щурясь. — С утра молчишь, на планёрке вообще будто сквозь стену смотришь. Что стряслось?

Иван помедлил. Пальцы сами крутили ручку на столе.

— Да ничего, — начал он и тут же оборвал себя. — Нет, вру. Я думаю об отпуске.

— Ну и бери, — Денис махнул рукой. — Давно пора. Ты когда в последний раз нормально отдыхал? Не эти твои «выходные на диване», а чтобы вообще из города, из головы, из этой рутины.

— Не помню. Давно.

— Так в чём проблема?

Иван посмотрел на Дениса. Тот не давил, не лез с советами. Просто сидел, ждал, будто знал: если давить, Иван закроется.

— Я хочу уехать, — выдохнул Иван. — Далеко.

— Куда?

— В Китай. В Гуанчжоу.

Денис замер на секунду, потом медленно кивнул.

— Серьёзно? Не просто «хочу», а реально думаешь?

— Не знаю, — Иван снова покрутил ручку, потом резко положил её на стол, будто сам себе запретил прятаться за

мелкими движениями. — Может быть. Я об этом думаю... неделю, две, месяц. Каждый день открываю её фото и думаю: «А если прямо сейчас взять и купить билет?» И каждый день закрываю браузер.

— Ту самую, с которой переписываешься?

— Откуда ты знаешь?

— Ты сам рассказывал. Месяц назад, когда мы пиво пили. Ты тогда ещё сказал: «Она как будто из другого мира». Я запомнил.

Иван не помнил. Но сейчас ему даже стало легче: будто кто-то уже держал эту мысль за него, пока он сам её боялся.

— И ты хочешь лететь ради неё?

— Наверное. Не только ради неё. Ради того, чтобы... не быть этим парнем, который каждый день сдаёт отчёты и думает, что это и есть жизнь. Я хотел быть архитектором. Хотел что-то строить. А теперь я просто ставлю подписи.

Денис помолчал. Потом наклонился вперёд, упёр локти в колени.

— Слушай, я не буду тебе говорить «бросай всё и лети». Это твоя жизнь. Но скажу вот что: если не полетишь — будешь жалеть. Я это точно знаю.

— Почему?

— Потому что я сам когда-то не сделал шаг. Думал: «Ещё год поработаю, подкоплю, потом начну». Год прошёл, потом ещё один, потом развод, сын... И вот мне сорок, и я уже не начну. Не потому что не хочу. А потому что слишком много

«ПОТОМ» накопилось.

Иван молчал. Слова Дениса легли куда-то глубоко, туда, где он сам боялся копаться.

— Если решишь — скажи, — Денис откинулся на спинку стула, снова стал обычным, чуть небрежным Денисом. — Хотя провожу до аэропорта. А если не решишь — тоже скажи. Я буду напоминать. Чтобы ты не забыл, что мог.

Он встал, хлопнул ладонью по спинке стула.

— Ладно. Мне ещё по отделам пробежаться. Держи в курсе, ладно?

— Ладно, — тихо ответил Иван.

Денис вышел, оставив дверь открытой. Иван снова остался один. За окном шёл мелкий, невидимый дождь — не настоящий, а такой, от которого окна просто становятся мутными. Он посмотрел на телефон. Потом убрал его в ящик стола. Не в карман. В ящик. Будто прятал не от мира, а от самого себя. И в этот момент понял: он уже решил. Осталось только не передумать

Он посмотрел на часы. 12:30. Он открыл папку «Китай» на ноутбуке. Там были фотографии Гуанчжоу: высотки, река, пальмы.

Он закрыл глаза. Представил себя там. Тёплый воздух, солнце, пальмы. И она, которая ждёт его.

«Если я не решусь, — подумал он, — я никогда не узнаю, как это — быть там. Я останусь здесь. С этими контрактами. С этой планёркой. С этим городом, который я ненавижу».

Он открыл глаза. Вместо Гуанчжоу — бежевые стены, кондиционер и стопка контрактов.

«Надо что-то делать», — подумал он.

Наступило время обеда. Иван вышел из кабинета, спустился на первый этаж в столовую.

В цокольном этаже пахло жареным луком и дешёвым моющим средством. Пластиковые столы были влажными — кто-то только что протёр их тряпкой, небрежно, разводами.

Иван нёс поднос. Суп, гречка, котлета. Он сел у стены, где слабее всего пахло едой, и уставился в тарелку. Котлета была серой, с поджаристой коркой, которая отслаивалась, когда он ткнул в неё вилкой.

Рядом грохнули подносом.

— Ты чего как варёный? — Сергей плюхнулся напротив, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, которая и так была расстёгнута. — Не спал, что ли?

— Нормально, — сказал Иван, разрезая котлету. Внутри она была бледной, как будто её даже не пытались прожарить.

— Нормально у нас все говорят, — Сергей зачерпнул суп, подул, обжёгся, выругался сквозь зубы. — А я сижу в закупках, у нас там бардак, поставщик не отвечает, а тут ещё ты ходишь как тень. Что случилось?

— Ничего.

— Вань, я тебя десять лет знаю. Не ври мне.

Иван не ответил. Он жевал безвкусную гречку и смотрел в стол. Пластик был исцарапан — кто-то чертил ручкой, оста-

вив запутанную линию, похожую на карту.

— Ладно, — Сергей махнул рукой и снова принялся за суп. Громко хлюпал. — Сиди, молчи.

К столику подлетела Лена. С подносом, с салатом, с вечно съезжающим воротником белой блузки.

— Серёж, подвинься! — она пристроилась с краю, поставила салат и выдохнула. — Вань, привет.

— Привет, — сказал Иван.

— Ты какой-то грустный, — Лена откусила огурец, и он хрустнул. — Слушай, я вчера твой вопрос про Китай вспомнила. Ну, ты в прошлый раз говорил, что хочешь...

— Он уезжает, — перебил Сергей, не поднимая головы от тарелки. — В Китай собрался, герой. Я правильно понял?

— Я просто подумал, — сказал Иван.

— А я говорю — уезжает, — Сергей откинулся на стуле и уставился на него. — Я-то думал, ты шутишь.

— Почему шутит? — Лена перестала жевать. — Круто же! Там же красиво, небоскрёбы...

— Ой, не начинай, — Сергей скривился, взял салфетку, скомкал, бросил на стол. — У вас там, в маркетинге, вечно «красиво». А ты знаешь, что там они собак едят? Или что таксисты вас за угол вывезут и обдерут как липку?

Лена нахмурилась.

— Ты там был вообще?

— Не был, — отрезал Сергей. — И не собираюсь. Мне Турции за глаза. Там язык знаешь? Виза? А если он там за-

болеет? Вы вообще головой думаете?

— Я думаю, — сказал Иван. Он всё ещё жевал, но теперь медленнее.

— Хорошо, что думаешь. — Сергей ткнул ложкой в его сторону. — Знаешь, сколько у нас таких было? Мечтателей. В девяностом один уехал в Испанию, думал, на всю жизнь. Через год вернулся, без денег, без работы. Ты хочешь так?

— С чего ты взял, что я вернусь? — тихо спросил Иван.

Повисла пауза. Сергей замер с ложкой у рта.

— Ты серьёзно, что ли? — спросил он.

— Я не знаю, — сказал Иван. — Но может быть.

Лена смотрела на него широко открытыми глазами. Потом медленно улыбнулась. В её улыбке было что-то странное — не восторг, а ревность.

— Ты везучий, — сказала она тихо. — Я бы тоже... но мама. Работа. Парень. Мне некуда.

— А ты представь, — сказал Сергей. — Представь, что он едет к китаянке, которую никогда в жизни не видел.

Иван поднял голову.

— Откуда ты знаешь про китаянку?

— Денис трепался на кухне. Мол, Ваня влюбился, едет в Китай. Я думал, пьяный бред, а ты, выходит, серьёзно? — Сергей усмехнулся. — Это тупость, Вань. Она тебя в сети разведёт. Посмотрит — русский лох приехал, и пошло-поехало. Ты вообще знаешь, кто она? Может, она вообще не женщина!

— Серёж! — Лена толкнула его локтем. — Ты совсем?

— А что? Нормально говорю. Мы мужики, мы должны быть реалистами.

— Я не реалист, — сказал Иван. — Я устал.

Он положил вилку. Есть больше не хотелось. Котлета остыла, жир застыл на тарелке белыми пятнами.

— Устал — иди в отпуск, — Сергей развёл руками. — Не надо через всю страну тащиться.

— Через весь мир, — поправила Лена.

— Да какая разница!

— А ты бы поехал, если бы тебя ждали? — вдруг спросил Иван. Он смотрел на Сергея прямо, без улыбки.

Сергей моргнул. Открыл рот. Закрыл.

— Я женат, — сказал он наконец. — У меня дети.

— Я не про жену. Я про то, что ты бы решился? Если бы завтра... кто-то написал тебе: приезжай. И ты не знаешь, что там, но чувствуешь, что надо. Ты бы поехал?

Сергей молчал. Он смотрел на Ивана, и на его лице впервые не было сарказма. Только какая-то растерянность.

— Сейчас мы тут про личное, да? — спросил он.

— Ага, — сказал Иван.

Сергей отвернулся, посмотрел в сторону раздачи, где стояла очередь. Потом тихо сказал:

— Всё равно тупость. Но я бы не поехал. У меня яйца не такие крутые. — Он помолчал, потом хмыкнул, но уже без злости. — Ты ненормальный, Ваня.

В этот момент к столу подошёл Андрей с подносом. В сером свитере, с очками, которые вечно сползали.

— Свободно? — спросил он у Ивана.

Иван кивнул. Андрей сел. Его еда была скучной: каша, рыба, чай. Он поправил очки, посмотрел на Ивана, потом на остальных.

— Я не помешал? Вы так громко говорили, я слышал из коридора.

— Ваня уезжает в Китай! — выпалила Лена. — Андрей, а ты же был там! Расскажи!

Андрей аккуратно положил вилку. Его рыба была бледной, как и котлета Ивана. Он взял чай, отпил, помедлил.

— Был, — сказал он. — Один раз.

— И как? — спросил Иван.

Андрей долго молчал. Потом снял очки, протёр их краем футболки, надел обратно. Движение было замедленным, почти сонным.

— Когда я вышел из аэропорта, — сказал он, — меня никто не встретил. Я знал, что никто не встретит — командировка, коллега задерживается. Но я стоял на выходе и смотрел на людей, и понял: все они заняты. У всех есть дела. А я — никто. Я просто турист, который приехал на три недели и уедет.

— Тебе было страшно? — спросила Лена.

— Не страшно, — Андрей покачал головой. — Одиноко. Он помолчал.

— Там пахнет по-другому. Там жарко, и это не наш сухой жар, а мокрый — он обволакивает. Я три дня не мог есть — всё было острое. Я смотрел на небоскрёбы и не знал, что они значат.

— А надо было книгу про архитектуру, — сказал Сергей.
— Ты же говорил.

— Говорил, — кивнул Андрей. — Я плохо готовился. Думал, что увижу мир, а понял, что вижу только свои глаза в отражении.

Иван смотрел на Андрея. Впервые за весь обед он внимательно смотрел на человека, а не в тарелку.

— Ты бы поехал снова? — спросил он.

Андрей повернулся к нему. Помедлил.

— Я бы поехал, если бы знал зачем. Мне нужна была причина. А у меня была только работа. — Он взял вилку, поковырял рыбу. — А у тебя есть?

— Есть, — сказал Иван.

Андрей кивнул. Ничего не сказал. Просто съел кусок рыбы и запил чаем.

— Ну всё, я пошёл, — Сергей встал, взял поднос. Он смотрел на Ивана сверху вниз. — Ты только напиши, когда прилетишь. А то мы тут волноваться будем.

— С чего бы? — улыбнулся Иван.

— Да хрен его знает, — хмыкнул Сергей. — Надеюсь, тебя там не съедят.

Он отошёл на два шага, потом обернулся.

— И, Вань? — он помолчал. — Если что, у тебя есть куда вернуться. Хоть на диван. Я серьёзно.

Он ушёл, не дожидаясь ответа.

Лена доела салат. Убрала тарелку в поднос, встала, поправила воротник — теперь это движение выглядело привычным и почти родным.

— Я тоже надеюсь, что у тебя всё получится, — сказала она. — И я серьёзно про магнит. Привези что-нибудь.

— Привезу, — сказал Иван.

Она улыбнулась и ушла, оставив после себя запах духов — дешёвый, сладкий.

Андрей остался. Он допивал чай маленькими глотками, смотрел на остывшую заварку.

— Хороший человек этот Сергей, — сказал он. — Ворчун, но хороший.

— Знаю, — сказал Иван.

— А Лена — просто боится, что ты сделаешь то, на что она не решилась. Не злись на неё.

— Я не злюсь, — сказал Иван.

Андрей поставил пустую чашку на поднос. Встал, но не ушёл сразу. Он посмотрел на Ивана через очки — близорукко, чуть прищурившись.

— Ты выдержишь, — сказал он. — Я это вижу. Ты не из тех, кто сдаётся. Ты просто ждал, когда можно будет решиться.

— С чего ты взял? — спросил Иван.

— Ты пришёл сюда с котлетой, которую не ел. Ты вообще не хотел есть. Ты хотел говорить. А когда человек хочет говорить — значит, он готов.

Андрей развернулся, взял поднос и пошёл к стойке. Остановился, не оборачиваясь.

— Удачи, Иван.

Он ушёл.

Иван остался один за столом.

Он смотрел на свою тарелку. Котлета остыла окончательно. Жир застыл белыми разводами. Рядом — компот, в котором плавала муха. Он не стал её вынимать.

Он смотрел в окно. За стеклом — Новосибирск. Серый, мокрый, бесконечный.

Он представил пальмы. Влажный воздух. Голос — её голос. Она говорит: «Ты пришёл». Она не говорит: «Ты зря приехал». Она просто ждёт.

Он взял телефон, открыл фото. Красное платье. Набережная. Она смотрит в камеру спокойно.

Он убрал телефон. Встал, взял поднос, понёс к стойке. В очереди стояло несколько человек, он ждал.

Он стоял в очереди, держал в руках холодный поднос с застывшей котлетой и думал.

Он сдал поднос, вышел из столовой. За спиной — звон посуды, голоса, запах разогретой еды. Всё как всегда.

Он не обернулся.

После обеда Иван не вернулся в кабинет сразу. Он постоял у окна в коридоре, глядя на серый Новосибирск, и зачем-то посмотрел на часы. Два часа. Время шло, но он уже знал, что скажет начальнику.

Он поднялся на второй этаж. Прошёл по коридору мимо куллера, мимо принтера, который гудел, печатая чей то отчёт. Остановился у двери кабинета начальника. Не постучал. Открыл. Вошёл.

Начальник сидел за столом, листал бумаги, не поднимая головы.

— Я вас не звал, — сказал он, не глядя.

— А я пришёл, — сказал Иван.

Он подошёл к столу, достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги. Положил перед начальником.

— Я увольняюсь.

Начальник поднял голову. Снял очки. Посмотрел на заявление, потом на Ивана.

Начальник помолчал. Посмотрел на бумагу, потом снова на Ивана.

— Восемь лет, — сказал он. — Восемь лет ты здесь. И вот так — взял и ушёл?

— Да, — сказал Иван.

Начальник смотрел на него долго. Потом взял ручку, поставил подпись и дату. Отодвинул заявление в сторону.

— Обходной у секретарши, — сказал он. — Ключи охраннику.

Иван взял бумагу. Повернулся, пошел к выходу.

Подписал обходной и сдал ключи в охрану. Вышел на улицу.

Вечерний Новосибирск — тёмный, ветреный, мокрый. Иван шагнул в холод, и в голове билось только одно слово. «Поеду». Сегодня он не ехал на метро, он шел пешком.

Иван вернулся домой поздно. Квартира встретила его темнотой и тишиной. Он не включал свет — просто прошёл на кухню, налил воды, сел за стол. За окном — Новосибирск ночью. Огни, редкие машины, пустота.

Он достал телефон. Её сообщение так и висело без ответа. Он перечитал всё, что они писали друг другу за последние месяцы: первые «Привет. Как дела?», длинные ночные диалоги, её смех в голосовых сообщениях. Он не знал, что происходит с ним сейчас. Только понимал: если он не купит билет, то никогда не узнает, что могло бы быть.

Иван открыл сайт авиакомпании, ввёл маршрут: «Новосибирск — Гуанчжоу». Смотрел на табло с ценами, на даты вылета, на свободные места.

Он долго сидел, глядя на экран.

Пальцы замерли над кнопкой «Оплатить».

— Я должен, — прошептал он в пустоте.

Нажал.

Через минуту пришло подтверждение: «Билет куплен».

Он выдохнул — и почувствовал, как что-то сдвинулось внутри. Будто камень, который лежал на груди годами, на-

конец скатился. Он не знал, что его ждёт в Гуанчжоу. Знал только, что назад дороги нет. И это было правильно.

Иван взял телефон и написал ей: «Я купил билет. Я прилечу».

Она не ответила сразу. Но Иван не волновался. Впервые за долгое время он не ждал чужого ответа, чтобы принять решение. Он просто сделал это.

Он лёг на диван и закрыл глаза. В его телефоне лежал билет, а в голове — слово: «Гуанчжоу».

Завтра всё изменится.

Глава 2. Сто иероглифов.

Он не помнил точно, когда это началось.

Может быть, в тот вечер, когда открыл старую папку с чертежами. Теми, что рисовал в институте. Линии, углы, перспектива. Когда-то он мечтал строить дома. Теперь строил только отчёты.

Он сидел на кухне, пил остывший чай и листал старые рисунки. Провёл пальцем по линии крыши, которую нарисовал пятнадцать лет назад. Тогда ему казалось, что он может всё. Теперь казалось, что не может ничего.

Он закрыл папку. Открыл ноутбук. Зачем-то набрал в поиске: «китайская архитектура».

Фото. Храмы с загнутыми крышами, как взлетающие птицы. Небоскрёбы, уходящие в облака. Древние стены, которые стояли тысячи лет. Иван смотрел и не мог оторваться. Он не знал, почему его это зацепило. Но чувствовал: это кра-

сиво. По-настоящему.

Он читал статьи, смотрел видео. Узнал, что иероглифы — это не просто буквы, а образы. «Дом» выглядит как дом. «Дерево» — как дерево. Каждый знак — маленькая картинка, которую надо понять.

«Это как архитектура, — подумал Иван. — Ты строишь смысл из элементов».

Он скачал приложение. Начал учить иероглифы.

Через неделю Денис заметил.

— Ты что, Китаем увлёкся? — спросил он, увидев на столе Ивана тетрадь с палочками.

— Интересно, — ответил Иван. — Архитектура, язык. Иероглифы красивые.

— Это те самые, где одна палочка не так — и всё меняется?

— Да. Я запомнил: «человек» — это просто две ноги. «Большой» — это человек с распростёртыми руками. Там всё как конструктор.

Денис хмыкнул.

— И что, собираешься туда?

Иван замолчал. Потом сказал:

— Не знаю. Может быть.

— Ты серьёзно?

— Я просто думаю. Хочу понять, как там живут. Что там внутри.

Денис посмотрел на него. Усмехнулся:

— Ты улыбаешься, когда про это говоришь.

Иван не заметил.

Через месяц он решил: «Хватит читать. Я хочу говорить с живыми людьми».

Он нашёл китайский форум, где люди обсуждали архитектуру и города. Зарегистрировался. Долго думал, что написать. Потом открыл переводчик и напечатал:

«Привет. Я из России. Мне нравятся ваши здания. Кто-то может рассказать про Китай?»

Перевёл на китайский. Отправил.

Ему ответили. Несколько человек. Они писали про разные города. Но одно сообщение запомнилось.

«Гуанчжоу — это город, где старое встречается с новым. Мы не сносим храмы, чтобы построить небоскрёб. Мы строим небоскрёбы рядом с храмами. Если хочешь понять Китай — начни с Гуанчжоу».

Она подписалась как «Мэй». Иван прочитал её сообщение пять раз. Потом написал ей лично.

«Можно спросить вас про Гуанчжоу? Мне очень интересно».

Она ответила через день.

«Можно. Я там живу».

Они начали общаться.

Сначала — о городах. Она рассказывала про улицы, по которым ходит каждый день. Про набережную, где вечером

зажигаются огни. Про рынки, где продают манго и странную еду на палочках.

Она присылала фото.

Иван смотрел и не всегда понимал, что видит. На одном фото был суп красного цвета с плавающими кусками. Он спросил: «Что это?»

Она ответила: «Это лягушка. Очень острая».

Иван не знал, что сказать. Написал: «У нас такого нет».

Она прислала голосовое. Рассмеялась.

— Ты попробуешь, когда приедешь, — сказала она.

Иван переслушал голосовое несколько раз. Не из-за слов — из-за смеха.

Она не знала русского. Иван писал на ломаном китайском с переводчиком. Она отвечала на таком же ломаном английском. А иногда на китайском. Их диалоги были простыми, иногда смешными, иногда странными. Но в них была правда. Он не мог врать — переводчик не пропускал сложные слова. Только суть.

Однажды она прислала сообщение: «Сегодня ### (Zhōngqīūjié). Праздник Луны. Мы едим лунные пряники и смотрим на луну. Мы думаем о тех, кто далеко».

Иван перечитал. «О тех, кто далеко».

Он спросил: «Это про меня?»

Она ответила: «Может быть».

Иван не знал, что ответить. Он вообще многого не знал. Например, как выглядят лунные пряники. Он загуглил.

Круглые, тиснёные, с надписями, которые он не мог прочесть.

Она прислала фото пряника и написала: «Попробуешь когда-нибудь?»

Он долго смотрел на экран. Потом написал: «Приеду и попробую».

Он не знал, зачем сказал это. Но слово уже вылетело.

Иногда она писала вещи, которые он не понимал.

«## (yuánfèn)», — написала она однажды.

Переводчик сказал: «судьба», «предопределение». Но Иван чувствовал, что слово глубже.

Он спросил: «Что это значит на самом деле?»

Она ответила: «Это когда мы встретились. Хотя могли не встретиться. Но встретились».

Иван смотрел на экран. Ему казалось, что он понял. Но не до конца. Он решил запомнить это слово. И выучить его иероглифами.

Он открыл тетрадь и записал: ##. Потом рядом — перевод, который он сам придумал: «встреча, которой не должно было случиться, но она случилась».

Она описывала утро в Гуанчжоу.

«Пахнет жасмином, рыбным рынком и мокрым бетоном. Это странный запах, но я его люблю».

Иван закрыл глаза и попытался представить. У него получился только холодный бензин Новосибирска.

Он написал: «У нас пахнет снегом и выхлопными газами».

Она ответила: «У нас нет снега. Я видела снег только в кино».

Он хотел сказать: «Я привезу тебе снег». Но не написал. Показалось глупым.

Она прислала видео. Уличный рынок. Продавцы кричат, пар из котлов, велосипеды, люди, идущие не по правилам. Всё движется быстро, хаотично, но в этом хаосе чувствовалась жизнь.

Иван смотрел и не понимал, как там можно ориентироваться.

«Как ты там живёшь?» — спросил он.

«Просто, — ответила она. — Я просто иду и смотрю по сторонам».

Он закрыл видео и понял: он хочет оказаться там. Не потому что она просит. А потому что он устал не знать, как это — идти по улице, где пахнет жасмином и мокрым бетоном.

Она прислала сообщение: «#####» (Wǒ hěn xiǎng jiàn nǐ).

Иван скопировал в переводчик. «Я очень хочу тебя увидеть».

Он перечитал несколько раз. Потом залез в словарь, разобрал иероглифы по отдельности: «я», «очень», «хотеть», «видеть», «ты».

Ему показалось, что в оригинале есть что-то, что переводчик потерял. Какая-то тёплая тяжесть. Он не мог объяснить, что именно. Но чувствовал.

Он написал ей: «Мне нравится, как это звучит на твоём языке».

Она ответила: «Тогда учи язык. Тогда услышишь, как я говорю на самом деле».

Однажды вечером она написала ему неожиданно:

«Ты знаешь китайскую сказку?»

Иван не знал.

Она объясняла долго, на ломаном английском, потому что он всё ещё плохо понимал китайский:

«Боги связывают людей невидимой красной нитью. Они могут жить далеко. Могут не знать друг друга. Но нить никогда не рвётся. Она просто ждёт. Когда-нибудь они встретятся».

Иван перечитал её сообщение несколько раз. Ему показалось, что внутри что-то дрогнуло. Он вспомнил её фото. Первое фото, которое увидел. Красное платье на фоне набережной. Он тогда просто запомнил его. Не знал почему. Просто запомнил.

«Совпадение», — подумал он.

Но почему-то не мог выбросить эту мысль из головы.

Он написал ей: «Красивая сказка».

Она ответила: «Да. Я верю в неё».

Он не знал, что сказать. Просто смотрел на экран.

Каждый вечер он выводил иероглифы в тетради.

Он учил их не для того, чтобы впечатлить её. Он хотел понять, что она пишет на самом деле — без переводчика. Он

хотел читать её оригинальные сообщения. Хотел слышать её голос без искажений.

«Ты знаешь, — сказал он ей однажды, — я когда-то мечтал строить дома. Теперь я строю предложения на твоём языке».

Она не поняла точно, что он имел в виду. Но ответила: «Красиво».

Прошло ещё два месяца.

Иван сидел за столом, смотрел на тетрадь с иероглифами. Сто иероглифов. Он выучил их все.

Он открыл её фото. Красное платье. Набережная. Гуанчжоу.

Он думал о том, что они не знают друг друга. Не знают, как звучат голоса друг друга вживую, как пахнет от волос, как улыбаются в темноте.

Но он знал, что увидел её в красном платье.

И он знал теперь сказку, которую она рассказала. Пронить, которая никогда не рвётся.

«Если я не поеду, — подумал он, — я никогда не узнаю, была ли эта нить реальной. Или я просто придумал её, чтобы не чувствовать себя одиноким».

Он закрыл фото. Но красное платье осталось перед глазами.

Он знал, что купит билет. Не потому что она ждала. А потому что он сам уже был в Китае — в своих мыслях, в своих тетрадях, в своих иероглифах.

Осталось только сделать шаг.

Он написал ей: «Я думаю о поездке».

Она ответила через час.

«Я знаю. Я жду».

Он закрыл телефон и посмотрел в потолок.

Впервые за долгое время он чувствовал, что живёт. Не существует. Не ждёт. Не терпит.

А впереди был Гуанчжоу.

Глава 3. Перед взлётом

Будильник не зазвонил.

Иван проснулся сам — в 9:43. Солнце, настоящее, не ноябрьское, а жёлтое и наглое, пробивалось сквозь щель в шторах и падало на стену. Он лежал и смотрел на этот луч, пытаясь понять, что случилось.

Потом вспомнил.

Отпуск.

Он не пошёл на работу.

Вчера он закрыл контракты, подписал заявление, вышел из кабинета начальника. А сегодня — ничего не нужно. Ни планёрок. Ни отчетов. Ни оправданий.

Он сел на кровати и почувствовал странную пустоту. Не ту, привычную, с которой он просыпался годами. Другую.

Тишину без ожидания.

— И что теперь? — спросил он вслух.

Никто не ответил. Но тишина уже не давила. Она просто

ждала.

Он встал, прошёл на кухню. Заварил чай. Реально заварил, а не просто залил пакетик кипятком. Заварка, заварник, пять минут ожидания. Он не делал этого никогда. Раньше у него не было времени ждать пять минут. Он достал из холодильника сыр, хлеб — не тот, что вчерашний, а свежий, купленный специально вчера вечером. Намазал масло. Съел.

Вкус был другим. Он не понимал, что изменилось — еда была той же, но ощущение было странным, как будто он пробовал всё впервые.

Потом он прошёл в комнату, сел на диван, взял телефон. Открыл её анкету. Мэй. Гуанчжоу. Набережная. Он смотрел на неё и думал: **«Ты вообще существуешь? Или я придумал тебя, чтобы иметь цель?»**

Она всё ещё не ответила на его сообщение о билете. Но он не волновался. Ему казалось, что впервые за много лет он не ждёт чужого решения, чтобы принять своё.

Он встал, открыл шкаф. Вещи лежали ровно, как всегда. Рубашки — по цветам, футболки — стопками. Всё аккуратно, всё на своих местах. Иван смотрел на них и не понимал, что брать.

Он никогда не собирал сумку в такую даль.

Вытащил рюкзак — старый, серый, купленный лет десять назад для походов, в которые он так и не сходил. Поставил его на пол и замер.

— Что берут в Китай? — спросил он себя.

Телефон не знал ответа.

Он начал наугад. Три футболки. Одни джинсы. Шорты — вдруг там жарко? Куртку лёгкую, хотя в Гуанчжоу почти никогда не бывает холодно. Он перекладывал вещи, перебирал, потом вынимал и клал обратно. Чувствовал себя неуклюжим, как ребёнок, который собирается в лагерь впервые.

Тетрадь с иероглифами. Зачем? Он выучил всего сто. Смешно. Но он взял её. Вдруг пригодится. Паспорт, билет, загран. Деньги — наличные, часть обменял вчера на юани. Дрожащими руками пересчитал их. Всё правильно.

Он остановился у книжной полки. Провёл пальцем по корешкам. Достоевский, Чехов, Булгаков. Книги, которые он обещал себе прочитать, но так и не взял в руки. «**Когда вернусь**, — подумал он, — **прочитаю**». Он знал, что это ложь. Но ему нравилось думать, что он вернётся и что-то изменится.

Он сел на пол, прислонился спиной к кровати и задумался. «**Что я делаю?**» — спросил он себя. Ему было страшно. Не так, как в самолёте или в кабинете начальника. Иначе. Он боялся не провала, не того, что она не встретит, не того, что он потеряет деньги. Он боялся другого: **что он вернётся**. Что он поедет, увидит, попробует — а потом снова приедет в этот город, в эту квартиру, на эту работу. И всё останется по-прежнему.

— Не вернусь, — сказал он вслух. — Я не вернусь прежним.

Это прозвучало глупо. Но он повторил это про себя.

Он подошёл к ноутбуку, открыл карту Гуанчжоу. Изучил маршрут от аэропорта до её района. Улицы, названия станций метро. Всё чужое, всё новое. Он не понимал, как там жить, но внутри было спокойно.

Позвонил Денис.

— Ну что? — спросил Денис с порога.

— Собираюсь.

— Помочь?

— Нет, — ответил Иван. — Я сам.

Денис приехал через час с пивом и чипсами. Сел на диван, открыл банку, посмотрел на рюкзак, на разбросанные вещи, на Ивана, который сидел на полу и смотрел в ноутбук, как будто пытался выучить китайский за вечер.

— Ты похож на приговорённого, — усмехнулся Денис.

— На какого?

— Который ждёт казни. Или чуда. Сам не знаю.

Иван усмехнулся. Они сидели и пили пиво. Холодное, привычное, новосибирское. Разговор не клеился. Оба понимали, что это их последняя встреча перед отлётом.

— Ты боишься? — спросил Денис.

— Боюсь, — признался Иван. — А ты бы не боялся?

— Я бы не решился, — сказал Денис. — Поэтому ты — молодец. Ты хоть сделал. А я только говорю.

Он допил пиво, встал, пожал Ивану руку.

— Пиши, когда долетишь. Если что — звони. Я приду-

маю, как помочь.

— Спасибо, — сказал Иван.

Денис ушёл. Квартира снова стала пустой.

Денег на карте оказалось достаточно. Он проверил баланс, но цифры даже не задержались в голове — это было неважно. Важнее было успеть, пока внутри ещё не поселился страх.

А потом он — позвонил маме. Долго не мог нажать кнопку вызова. Три недели не звонил. А теперь надо сказать: «Я улетаю».

Он нажал.

-Мам, привет.

— Ваня? — голос у неё настороженный. Она всегда чувствует, когда он звонит не просто так. — Что случилось?

— Ничего не случилось. Я просто... — он мнётся. — Я взял отпуск. На месяц.

— О, — она выдыхает. — Ну и хорошо. Отдохни. А куда? В Сочи? Санаторий? Тебе бы полечиться надо, Ваня, у тебя желчный...

— Мам, я лечу в Китай.

Тишина. Долгая. Он слышит, как она дышит в трубку, и этот звук — как ножом по стеклу.

— В Китай, — повторяет она. Не вопрос. Просто констатация. — Ваня... ты там не был никогда.

— Да, я в курсе, — усмехается он. — Потому и лечу.

— Ты языка не знаешь. У тебя деньги есть? А если заболеешь? А если...

— Мам, — перебивает он. — Я всё продумал. Билет купил. Деньги есть.

— Зачем? — спрашивает она. Голос ломается. Она уже не скрывает, что не понимает. — Зачем тебе это, Вань? У тебя работа. Квартира. Зачем менять всё на неизвестно что?

Он молчит. Хочет сказать: «Там есть одна девушка». Но слова застревают. Потому что он знает, как онаотреагирует. Скажет: «Какая девушка? Ты её в глаза не видел!». И будет права.

— Не могу объяснить, — говорит он наконец. — Просто надо. Понимаешь? Надо.

— Нет, — говорит она тихо. — Не понимаю. Совсем. Я никогда не была в Китае. Я никогда не делала ничего такого. Я — родила тебя, вырастила, работала. И не понимаю, зачем тебе срываться. Не понимаю.

В голосе — не злость. Горечь. И тоска.

Иван сжимает телефон. Хочется сказать: «Я люблю тебя, мам». Но вместо этого он говорит:

— Я вернусь.

— Ты не знаешь, вернёшься ли, — отвечает она. — Я знаю тебя. Если ты что-то решил — ты идёшь до конца. Даже если это глупо.

Она тяжело вздыхает. И потом — внезапно — голос меняется. Становится деловитым. Сухим.

— Ладно. Ты когда летишь?

— Послезавтра.

— А где там погода? Жарко?

— Ну да, плюс двадцать пять.

— А ночью? Холодно? Кондиционеры у них дуют, я слышала. Заболеешь — и всё, будешь в чужой стране валяться.

— Мам...

— Молчи. Я сейчас. Надо вещи собрать.

Она отходит от телефона. Он слышит, как она копается в шкафу. Что-то шуршит, падает.

— У тебя носки тёплые есть? — кричит она откуда-то издалека.

— Мам, там жарко!

— А самолёт? Самолёт — там холодно. Я читала. И в аэропорту дует. Ваня, слушай меня, я старше, я знаю.

Она возвращается к телефону. Голос — снова деловой.

— Я тебе аптечку соберу. Жаропонижающее, от живота, бинты, пластырь. Там-то у них своя медицина, а вдруг не подойдёт? И шоколадку положу. Нашу, «Алёнку». А то у них там всё своё, неизвестное. Будешь есть и вспоминать дом.

Иван стоит и слушает. Ему хочется сказать: «Мам, я не в экспедицию на Северный полюс, это Китай, там есть магазины».

Но он молчит.

Потому что она не может сказать ему: «Я тебя понимаю». Она не понимает. И никогда не поймёт. Зачем ему Китай, зачем эта девушка, зачем менять уютную скуку на дикий страх.

Но она кладёт в рюкзак «Алёнку». И носки. И аптечку.

И это — её «я тебя люблю».

— Ваня, — говорит она вдруг тихо. — Ты только, если что... пиши. Хоть «привет» напиши. Мне всё равно, даже если по-китайски. Я переведу как-нибудь. Только не пропадай.

— Не пропаду, — говорит он. Голос садится.

— Ну ладно, — говорит она. — Собирайся. Я позвоню завтра. Иди уже.

Он положил трубку. Телефон был ещё тёплым от разговора. Он открыл её фото — красное платье, набережная. Закрыл. Открыл мамино — старое, выцветшее, она смеётся на фоне дачи. Он смотрел на обе, переключая туда-сюда, как переключают каналы, когда не могут выбрать, что смотреть. Потом убрал телефон в карман и вышел на кухню заваривать чай, который так и не выпил.

Он убрал телефон. Посмотрел на билет.

«Что я делаю?» — подумал он.

Но внутри было не страшно. Было пусто. И эта пустота была знакомой. Он знал её с детства.

«Может, там, в Китае, я найду что-то, что заполнит её».

Он взял рюкзак. Положил тетрадь с иероглифами, паспорт, билет. Зачем-то взял старую фотографию матери — ту, где она смеётся. Сунул в карман. Вышел из квартиры.

Новосибирск провожал его серостью.

Он сидел в зале ожидания аэропорта. За окном — промозглый ноябрь. Серое небо, слякоть. Голые деревья. Город,

который он ненавидел с детства.

«Дурак ты, Ваня, — подумал он. — Авантюрист. Ради чего? Ради девушки, которую видел только на фото?»

Он достал телефон. Открыл её фото. Красное платье. Набережная. Гуанчжоу.

«Ради неё, — ответил он себе. — Ради того, чтобы узнать, реальна ли эта сказка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.